

Т.В. ЩЕРБАК
(Ульяновск)

**К ПРОБЛЕМЕ ЛИТЕРАТУРНЫХ
АРХЕТИПОВ В РОМАНЕ
М. ШИШКИНА «ВЕНЕРИН ВОЛОС»**

Проблема литературного архетипа оказывается особенно актуальной при анализе романа М. Шишкина «Венерин волос». Архетипические мотивы и образы создают некую основу для сюжетно-композиционного и идейно-тематического уровней произведения. Архетип возлюбленных Дафниса и Хлои, восходящий к античной традиции, является частью системы архетипов, раскрывающих художественное своеобразие темы любви в романе.

Ключевые слова: *архетип, сюжет, мотив, тема любви, пространственно-временные границы.*

По мнению исследователей [4; 5], «Венерин волос» – постмодернистский роман, а в поэтике этого жанра роль литературных архетипов особо важна. В понимании термина «литературный архетип» мы будем опираться на работы Е.М. Мелетинского [2] и А.Х. Гольденберга [1]. По мысли этих ученых, «архетипы – это не только “первообразы”, сопряженные с мифом и обрядом, но и “вечные образы” литературы» [1, с. 9].

Роман М. Шишкина изобилует множеством архетипов, один из которых восходит к античной традиции. Это архетип возлюбленных Дафниса и Хлои. Тема любви в романе сквозная, она проявляется во всех основных сюжетных линиях романа, связующим звеном которых является главный персонаж произведения – толмач. Этот человек работает в миграционном ведомстве Швейцарии. Ежедневно он слышит истории беженцев, просящих о предоставлении политического убежища. В романе такие интервью даны в вопросно-ответной форме диалога. Участники диалога не названы. Общение толмача с беженцами представлено в протокольной форме: оно обозначено как «Вопрос» и «Ответ». Диалоги прерываются литературными текстами, которые толмач читает в перерывах между опросами беженцев, воображаемыми письмами сыну. Так постепенно происходит переход от реальной ситуации в миграционном ведомстве к сфере сознания персонажа. Истории, услышанные в процессе общения с беженцами, преломляются в сознании героя и становятся

сложным переплетением воспоминаний толмача, его мыслей и суждений. Сознание толмача – это творческое, переосмысливающее реальность сознание. Персонаж занимает некую всеведущую позицию и создается иллюзия проникновения в его мысли. Толмач – ретранслятор рассказов, он творит своих героев, преображая их истории. Таким образом, в романе М. Шишкина свой ненаписанный воображаемый роман творит сам герой.

Голоса беженцев в сознании толмача сливаются в истории с некими общими закономерностями. В них отражены представления массового сознания. Рассказывая о себе, беженцы пользуются стереотипными клише. В устных ответах на поставленные толмачом вопросы они опускают конкретные ситуации и детали, без которых невозможно передать перипетии личной, индивидуальной судьбы любого человека. В сознании толмача эти истории трансформируются, отражая неповторимость каждой человеческой жизни, в них проявляются ценностные смыслы, самими рассказчиками не осознанные.

Одна из центральных линий романа – история беженца Анатолия (почти все другие рассказы безымянны). И это не случайно: главной темой в рассказе Анатолия оказывается не расхожая детективная история, а история любви. Внешний вопросно-ответный диалог с Анатолием в повествовательной структуре произведения перерастает во внутренний диалог толмача, который не слышен его собеседнику, но свидетелем которого становится читатель. За односложными, стереотипными ответами Анатолия угадывается незаурядная личность. Он – человек глубоко порядочный, готов в борьбе с социальной несправедливостью пожертвовать своей жизнью. Однако суть характера Анатолия – его жажда любви.

Тема любви появляется не сразу, она возникает лишь после длительного повествования в вопросно-ответном диалоге о жизненных неурядицах Анатолия, которые подтолкнули его к бегству в Швейцарию. Все истории беженцев объединены общими мотивами несправедливости, жестокости, в том числе и история Анатолия. Обезличивание участников этих историй обусловлено отсутствием в их рассказах самого важного – любви и красоты. Эта идея звучит в предполагаемых словах слушателя-толмача: «И не забывайте, что в ваши леденящие кровь истории никто давно не верит, ведь жизнь состоит еще из любви и красоты, потому что я сплю, а сердце мое бодрствует, вот, голос моего возлюбленного, кото-

рый стучится: отвори мне, сестра моя, возлюбленная моя, голубица моя, чистая моя!» [6, с. 25]. Здесь не случайна цитата из Библии. «Песнь Песней» царя Соломона – первооснова, из которой берет начало архетип чистой любви.

Неожиданно захватывающая детективная история о жизни Анатолия прерывается; оказывается, что все рассказанное абсолютно не важно, важны ранее незначимые детали, которые вводят тему любви: «Вопрос: Скажите, а вот про каля-маля и деревья на берегу как косяк почерк, это правда? Ответ: Да. Вопрос: Вы ее любите?» (Там же, с. 47). Этот ключевой вопрос несет особую идейную нагрузку, выделяя в хаосе человеческих жизней самое главное.

Условно персонажей романа можно разделить по принципу понимания природы истинной любви. Анатолий – тип героя, понимающий ее суть, это единственный персонаж-мужчина, одаренный талантом любви. История обретения личного счастья начинается с воспоминаний о Лене, которую Анатолий подобрал в «обезьяннике», когда работал в милиции, но Лена – не та женщина, которая могла бы подарить ему гармонию и счастье. Однако предчувствие любви, ожидание – это еще не готовность к ней. Очевидно, что проверка отношений Лены и Анатолия первым же испытанием развела персонажей, продемонстрировала разность их жизненных принципов, ценностных установок, представлений о будущем, – когда Анатолий принял решение отстаивать справедливость даже ценой своей жизни. Мотив предательства имеет особую смысловую нагрузку в сюжете романа и тесно связан с мотивом одиночества. Бывшие влюбленные теряют друг друга.

Ожидание любви, стремление наполнить жизнь смыслом не исчезают даже в нечеловеческих условиях тюремной жизни. Когда Анатолий находится на волоске от смерти, он вспоминает сына, любимую, которых еще не было в его жизни. Эти мечты-воспоминания – полное осознание смысла жизни. Анатолий уже готов был пойти на все ради дорогих людей, которых еще не знал. Мечты-воспоминания Анатолия стали для него реальностью, когда он встретил Таню. Таня и Анатолий – воплощенный в конкретных образах архетип влюбленных. Предчувствие любви, ее обретение, трагедия и неясный финал – многие грани любви нашли отражение в этой истории.

Сознание толмача переносит акцент с тех событий жизни Анатолия, о которых он мог слышать на допросе в миграционном ведомстве, на историю его любви, которая дополнена и расширена сознанием творца необходимыми подробностями. Анатолий не знал исто-

рии Тани, но всеведущий повествователь вводит эту историю в вопросно-ответный диалог.

Особый внутренний стержень и готовность к истинной любви позволяют говорить о Тани и Анатолии как о персонажах, обладающих целостностью натуры. История этой пары выделяется в обезличенном многоголосии историй многих других беженцев. Понимание природы истинной любви позволяет видеть в Анатолии и Тани идеальных возлюбленных. Сына Тани Ромку Анатолий усыновил, этот ребенок стал для него родным. Казалось бы, счастье – несомненный удел этих людей. Таня и Анатолий ждут ребенка. Это счастливое ожидание троих любящих друг друга людей: родителей будущего малыша и Ромки. Но долгожданный ребенок умирает, ему не суждено появиться на свет.

Хронотоп романа М. Шишкина представляет собой сложную структуру множества альтернативных пространственно-временных миров. Бинарные оппозиции мечты и реальности, счастья и трагедии, любви и смерти снимаются с помощью дихотомических образов, представляющих ирреальные миры как продолжение реальности. Идиллическая любовь может быть реализована лишь за границами реальности. В истории Анатолия и Тани идиллический мир – подводная лодка капитана Немо. Если в реальности многое недостижимо, то на подводной лодке все происходит так, как должно быть, именно там персонажи обретают истинное счастье. Все рядом: Таня, Анатолий, Ромка, их нерожденное дитя, мать Анатолия и его сестра, и все, кто «близок и дорог». Лодка укрыта толщей воды от жизненных невзгод, и законы земной жизни там не действуют. Так, история любви Тани и Анатолия заканчивается характерной для романа сменой пространственно-временных пластов. Этот прием позволяет оставить финал открытым.

История Анатолия выделяется на общем фоне множества сюжетных линий тем, что не имеет трагического финала. Автор прибегает к приему глобального обобщения, когда переводит конкретные образы в условный образ влюбленных Дафниса и Хлои. Это особый художественный прием, позволяющий раздвинуть границы истории любви одного конкретного персонажа до обобщения разных историй через образы Дафниса и Хлои.

История Анатолия в реальном мире продолжена, но обобщение постепенно выходит на новый уровень. Читатель узнает, что Анатолий задолжал крупному банку, и из-за этого начались проблемы, которые позже привели к бегству в Швейцарию. Однако эти моменты автор обозначает эскизно. Чем схематичнее становится повест-

вание, тем большее обобщение приобретают образы главных героев. Так, совершенно неожиданно в истории Анатолия появляются образы проснувшихся среди зимы Дафниса и Хлои.

Дафнис и Хлоя Лонга – это традиционные герои пасторали, но в романе М. Шишкина взятый за основу архетип трансформируется, за счет чего происходит нарочитое снижение высокой темы идеальной любви. История Дафниса и Хлои в романе «Венерин волос» имеет некоторое сюжетное сходство с одноименным романом Лонга. Но сходство это заключено лишь в именах главных действующих лиц (Дафниса, Хлои, Пана, Ликэнион). Испытания, которым подверглись влюбленные в романе М. Шишкина, не имеют ничего общего с сюжетом романа Лонга, но включают некоторые мотивы древнегреческого романа Ахилла Татия «Левкиппа и Клитофонт». Мотив разлученных разбойниками влюбленных, инсценированная смерть возлюбленной разводит судьбы героев в разные стороны.

Национальность возлюбленных в романе М. Шишкина обозначена не случайно («Хлоя – ороч. Дафнис – тунгус» [6, с. 119]). Во-первых, орочи и тунгусы показаны на страницах романа непримиримыми врагами. Архетип враждующих племен усиливает смысловую нагрузку мотива испытаний, которые необходимо пережить возлюбленным, чтобы воссоединиться. Во-вторых, орочи и тунгусы – северные народы, их пробуждение «в середине зимы» (Там же) определяет пространственно-временные координаты. «Зима» выступает в романе особым миром, противопоставленным миру «мльва». Так и в истории Дафниса и Хлои появляется мотив двоемирия. Мир «мльва» – мир вечности. Семантика этого образа восходит к мифологии нивхов на Дальнем Востоке, в которой «мльво» – загробный мир. Как пишет В.Я. Петрухин, его местонахождение «неизвестно живым, но душа умершего легко находит туда дорогу. <...> Жизнь в Мльво ничем не отличается от земной, но солнце светит там ночью, а луна – днем» [3]. Мир зимы – это мир, похожий на реальный, мир, где ничто не вечно, где возможно предательство и нет места идеальной любви.

Архетипические образы возлюбленных Дафниса и Хлои, история их вечной любви, которая остается одной и той же в любые времена, меняются только люди и обстоятельства. У М. Шишкина архетипические образы ассоциируются с конкретными персонажами романа – Леной, Анатолием и Таней. Эта связь проявляется постепенно через общие мотивы и ситуации, обобщающие пространство и время в единое целое, что отсылает к идее рома-

на М. Шишкина о бесконечной повторяемости человеческих историй. Эта идея выражена через метафору – истории меняют людей как ва-режки, но остаются из века в век устойчивыми. Слова о нападении разбойников возвращают читателя к истории о Дафнисе и Хлое.

Эпизод с Дафнисом, отправившимся к Хлое, по дороге заснувшим и проснувшимся в мире «наизнанку», имеет двойную функцию. Во-первых, этот эпизод снова вводит смену пространственно-временных пластов, усиливая мотивы подмены и путаницы. Во-вторых, он подтверждает связь с историей Анатолия и Лены. Так, сначала Хлоя и Лена связаны общими словами, которые сказала последняя Анатолию, борющемуся против социальной несправедливости, но потом оказывается, что образ Хлои гораздо шире: «Это ведь она кричала, что у нее мозгов нет, но есть матка, и поэтому она хочет родить ребенка в любви. Вернее, это она будет кричать потом, когда ее наденет на руку какая-то другая история» [6, с. 137]. Так конкретный образ Лены оказывается лишь составляющей образа Хлои – трансформированного образа возлюбленной, образа сниженного. Здесь Хлоя, по сути, – это Ликэнион, женщина, лишь выдающая себя за возлюбленную, вводящая путаницу в вечный поиск Дафнисом своей Хлои. Истинная же Хлоя тоже ищет Дафниса в каждом человеке, к которому начинает испытывать хоть какие-то чувства.

Дафнис у М. Шишкина тоже находится в поиске своей Хлои, идет к ней, цель, казалось бы, уже близка, но по дороге он засыпает в шалаше и просыпается уже в мире «мльва», в мире «с изнанки» (Там же, с. 142). Этот эпизод определяет дальнейший ход сюжета. «Изнанка» – определяющее слово. Мир «перевернулся», и пробуждение внесло путаницу в пространство. Из мира, где все, «как должно быть», Дафнис оказывается в мире, «как есть». Мотив двоемирия также архетипичен и тесно связан с мотивами путаницы или подмены. Когда Дафнис просыпается в мире «наизнанку», ему кажется все таким же, как раньше, но что-то все же изменилось. «Дафнису вдруг приходит в голову, что, может быть, он просто во сне перевернулся, а теперь пришел в свой город. Он идет домой к Хлое. <...> Открывает Хлоя – такая же, только какая-то чужая. Спрашивает: “Вам кого?” Дафнис замечает: на вешалке в прихожей – милицейская шинель с погонами. <...> Дафнис наконец шепчет пересохшими губами: “Ты меня разве не узнаешь?” Хлоя: “Нет”. Дафнис: “Я же твой Дафнис!” Хлоя: “Вы с ума сошли? Дафнис – мой суженый, вот он, на кухне сидит, зовет ужинать. Я его долго искала, всю жизнь, и наконец нашла. Мы со-

бираемся пожениться – так было в пророческом сне, правда, совсем в другой истории”. Дафнис: “Но мы в этой истории!”» [6, с. 144].

Возникают ассоциации с сюжетной линией Анатолия. За обобщением читатель узнает знакомых персонажей, ему открываются некоторые факты жизни Анатолия после освобождения из тюрьмы и до встречи с Таней. Когда он не обрел еще истинной любви, он видел в Лене свою Хлою, предназначенную свыше. Но эпизод с поиском Дафниса содержит особо значимую деталь – это милицейская форма на вешалке в прихожей. Лена выбрала жизнь с человеком из той системы, против которой боролся Анатолий. Это окончательно дает герою возможность понять, что он оказался не ее Дафнисом, а она – не его Хлоей.

Современность, сочетающаяся с мотивами древнегреческих романов, обобщает все истории любви, которые в любой век имели общее начало, общие перипетии, но в реальной жизни герои лишены права на идиллическое счастье, как это произошло у Дафниса и Хлои. Путаница историй и путаница в самой жизни делают любовь трагичной. Дафнис теряет свою Хлою, люди не могут воссоединиться, жизнь окончательно разводит их. В этой истории отражаются слова, звучащие ближе к финалу романа о том, что любовь в жизни каждого человека одна. И эта единственная истинная любовь и соединяет Анатолия и Таню. Именно они становятся архетипическим идеальным образом возлюбленных, подобным образу архетипической пары Дафниса и Хлои. Именно их история в романе лишена трагического финала, счастье обретоно в мире подводной лодки капитана Немо. Сама тема любви благодаря сюжетной линии Анатолия и Тани, а также глобальному обобщению историй в образах Дафниса и Хлои становится вечной, она выступает главным смыслом, объединяющим все истории возлюбленных разных эпох в одно целое.

Литература

1. Гольденберг А.Х. Архетипы в поэтике Н.В. Гоголя : моногр. Волгоград : Изд-во ВГПУ «Перемена», 2007.
2. Мелетинский Е.М. О литературных архетипах. М. : РГГУ, 1994.
3. Петрухин В.Я. Мифы о загробном мире и становление культуры. URL : html/122010/29122010-03a.html.
4. Пригодич В. Волос Венеры, или Роман о... // Лебедь. 2005. № 442. 11 сент. URL : <http://www.lebed.com/2005/art4309.htm>.

5. Скоропанова И.С. Русская постмодернистская литература. М. : Флинта: Наука, 2001.

6. Шишкин М.П. Венерин волос. М. : Вагриус, 2006.

Considering the issues of literature archetypes in the novel by M.Shishkin “Venera’s Hair”

The issue of literature archetype appears to be especially urgent in analyzing the novel by M.Shishkin “Venera’s Hair”. Archetypical motives and images create some basis for plot and compositional, idea and thematic levels of the novel. The archetype of the beloved Daphnis and Chloe, originating from the antique tradition, is a part of the archetype system that reveals the artistic originality of the love theme in the novel.

Key words: *archetype, plot, motive, love theme, space and time bounds.*

И.С. ЛЕОНОВ
(Москва)

ТЕМА НРАВСТВЕННОГО ПОИСКА ЛИЧНОСТИ В ПРАВОСЛАВНОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ XXI в. (на примере рассказов священника Ярослава Шипова «Пеликан» и «Должник»)*

Исследуется тематическое своеобразие нового и малоизученного на сегодняшний день явления – православной художественной литературы. Выявляется основная тематическая доминанта большинства произведений православных авторов – нравственный поиск человека, его духовная эволюция. Теоретические положения иллюстрируются на примере рассказов священника Ярослава Шипова «Пеликан» и «Должник».

Ключевые слова: *тематика, эволюция, поиск, вера, православие, нравственность.*

В настоящее время активно развивается творчество ряда современных писателей, ориентированных на религиозную христианскую традицию. Среди них встречаются имена свя-

* Работа выполнена при поддержке гранта Президента РФ МК-65109.2010.6.